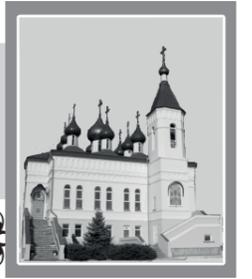

ПОКРОВСКИЙ ЛИСТОК

СЛОВО ПАСТЫРЯ

Какое-то время тому назад в Восточной части Украины (кажется, в Харькове, что впрочем не важно) возникло движение за безденежные отношения между потребителями различных товаров и услуг. Например, вы – плиточник. Заказов нет, а вам нужно купить зимние шины – «октябрь уж наступил, уж роща отряхает...» Вы даете объявление о том, что положите бесплатно плитку в обмен на приобретение зимних шин нужного диаметра. Ну и так далее. Вы отдаете детскую кроватку, а взамен хотели бы коньки 36-го размера для сына. Вам нужен напольный ковер, а взамен вы согласны отдать два новых комплекта постельного белья. Вариантов много. Создается база данных, калькулируется относительная стоимость услуг и товаров, и происходит деятельная мена. Не берусь утверждать, что дело успешно развивается. Может оно и потухло. Но сама идея хороша. Денежное посредничество, конечно, – вещь гениальная. Но там, где есть деньги, всегда есть соблазн хапнуть больше, а отсыпать меньше. Есть соблазн спекулятивных накруток, монопольного прессы, шулерских схем. Купить дорогое задешево и продать гнилье за золото – вечный соблазн

торговца. А тут еще и денег у многих не стало. Кризис. Кризис воровства, бездумного житья в кредит и бесконечного насыпания мира товарами. Что же, умирать? Нет. Вот в Греции кризис заставил жителей где питаться в складчину, где обмениваться продуктами и вещами. В общем, при известных дозах человеколюбия и практической смекалки людоедства можно избежать. (Людоедство – это конкретная реальность, а никакая не метафора.)

Но меня всегда интересует Церковь. Она меня интересует даже тогда, когда я хоккеем смотрю. Тем более, заговорив о способах бегства из капиталистических тупииков, я тоже перевожу взгляд на Церковь, на ту, которая то кроткая, как голуби при потоке, то грозная, как полки со знаменами.

Вот, некий прихожанин работает на книжном рынке в палатке с канцтоварами. И весь его хлеб – процент от продаж, а эти самые продажи падают. Накануне 1-го сентября он шепчется с батюшкой в приходе, и потом батюшка людям говорит: «Кто собирает и снаряжает детей в школу, тот может пойти туда-то и туда-то, чтобы купить ручки, линейки, карандаши, тетради и прочее. Цена и так везде примерно та же. И товар одного качества из того же Китая. Но работает там наш человек. Таким образом, вы и себе купите, что нужно, и ему дадите хлеб на стол».

Вот идея, рождающая во мне восторг.

Деньги нужно платить своим.

Есть знакомый христианин на шино-

монтаже – меняй покрышки у него. Есть знакомый зубной – лечись у него. Вообще нужно оглядеться по сторонам. Но подчеркиваю, что речь идет не о «халыве». Нужно именно купить товар, получить услугу и оставить деньги. Пусть со скидкой, но оставить. Понятно, что верующие люди склонны своим делать все бесплатно. Но это именно от того, что свои у своих крайне редко появляются. Портной или сапожник, если знакомого по храму у себя в мастерской увидят, то это будет, как дождь в пустыне. А если эта идея двинется в православные массы, то из редкого десерта она (идея) может приобрести черты и свойства хлеба насущного.

Это один из возможных способов выживания, рожденный приходской жизнью. Приход – мать всего хорошего. Не рождается хорошее на приходе – не жди его от властей или от «волшебника в голубом вертолете». Если совместные молитвы и участие в Таинствах не рожают в людях братских отношений, теплоты и взаимопомощи, то где еще, скажите, взять или поискать эту взаимопомощь и теплоту? Посему приход должен сближать людей, а явившаяся, как чудо, близость должна родить те формы жизни, которые будут ответом на эгоистический холод окружающего мира.

Новые формы жизни именно должны быть рождены. Новое время не обязано повторять старые вопросы. Оно вольно задавать новые вопросы и ждать новых ответов. Мы для того и живем здесь и сейчас, в

своей, а не в сотне чужих эпох, чтобы отвечать на сегодняшние вызовы.

Мир эгоистичен – противопоставьте этому братскую любовь без коммунистического коллективизма. Мир потерял смыслы и шумит, чтобы забыться – противопоставьте этому забвению аргументированный и веский разговор о бытии и его истоках.

Если вы всего этого не можете, это не беда. Нужно будет пробовать и учиться. Беда, если вы не понимаете самого вопроса: кому и зачем что-то противопоставлять, на что отвечать и так далее. Вот это подлинная беда, имя которой – мертвость и безразличие.

Мы, кстати, и раньше умудрялись жить вопреки системе. Об этом Жванецкий говорил, что «граждане воруют – страна богатеет; едят то, чего не достать; носят то, чего нет в магазинах; в драке не выручат – в войне победят». Только тогда, в Советском Союзе, речь шла о локальной системе и специфическом подавлении личности. А сейчас речь идет о глобальной системе и все том же, но более изощренном, подавлении личности. Нужно и здесь исхитриться, чтобы слепой демон глотал камни, а не детей. Только исхитряться нужно не средствами природной смекалки, которой может не хватить, а силами евхаристических общин, то есть задействованной сущностной силой Церкви; силой, трансформированной в практическое доброделание.

Протоиерей Андрей Ткачѳв

Вопросы

святицинику

Мне нравятся книги архимандрита Софрония. Да и жизнь его интересна и поучительна. Книги писем в общем-то не очень сложны. А вот «О молитве» и «Видеть Бога как Он есть» сразу не даются – возвращаешься к ним вновь и вновь. Открываешь новое, что-то начинаешь понимать. Интересно, что несмотря на сложность, меня эти книги притягивают. Но мне весьма важна Ваша точка зрения, как о жизни отца Софрония, так и особенно по поводу книги «Видеть Бога как Он есть».

У меня неоднозначное отношение к о. Софронию (схиархимандриту Серафиму) Сахарову. В свое время на меня произвела большое впечатление его книга о старце Силуане. Я до сих пор храню чувство благодарности к нему за эту книгу. Но в тоже время он кажется мне каким-то духовным гибридом, где странным образом сочетается монашеское подвижничество с гуманизмом интеллигентного и проявлением оригенизма (учение о всеспасении).

Как часто надо исповедаться и причащаться православному христианину?

Церковь не оставила правила, насколько часто надо исповедаться и причащаться. В апостольские времена христиане причащались на каждой литургии; обязательным было Причастие в воскресные дни. Если христианин не причащался, то он должен был сказать священнику, по какой причине он не принимает Святые Тайны. Но нравы людей изменились. Теперь духовный уровень и образ жизни не позволяет христианам постоянно причащаться; требуется определенное время для приготовления к Причастию. Церковь предоставила этот вопрос на усмотрение самого человека, так как у разных людей разные духовные потребности и обстоятельности жизни. Поэтому лучше решать этот вопрос с духовным отцом.

Как Православная Церковь относится к незаконнорожденным младенцам (в том числе, от женатых мужчин)? Крестят ли таким же чином, как всех? Или «приблудные» дети отмечены недостатком Божественной благодати?

Дети не отвечают за грехи родителей. В Церкви не употребляются такие слова как «незаконнорожденный» и «приблудный». Все дети имеют одинаковое право на крещение, причащение и спасение.

Обладает ли душа после исхода из тела

элементарными мышления, помнит ли свою индивидуальность, имеет ли возможность действий – или все обезличено, бездеятельно?

Мышление, эмоции, воля и весь внутренний мир человека – принадлежит душе, которая не только помнит, но имеет свою индивидуальность (даже в отрыве от тела). Что же касается возможности действий, то действия на физическом уровне и физическими средствами для нее по смерти ограничены. Тело является орудием души, а после воскресения мертвых восполнит индивидуальность и личность человека.

Если вы читали книгу священника Александра Краснова «Духовные беседы и наставления старца Антония», что вы думаете о ней? Диакон Андрей Кураев написал разгромную статью о ней, мнения у людей, которым я ее давал, разделились».

На меня книга священника Александра Краснова произвела впечатление художественной фантазии на религиозные темы. Поэтому лично я эту книгу не могу принять как слова старца.

Как Церковь относится к НЛП (нейролингвистическому программированию) и аффирмациям?

Голос Церкви – это Собор, а он не занимается вопросами психологии. Я могу ответить от себя лично, что подобное копание в психике человека подобно копанию ребенка в механизме часов гвоздем, от которого только один результат – порча часов. Все эти приемы и методы, насилующие психику человека посредством внушаемости, пагубно действуют на его духовное и нравственное состояние.

У меня недавно умерла мать, скоростно, без исповеди и причастия. Я корю себя в том, что мало о ней молилась, не вымолила для нее христианскую кончину. Мама причащалась только в детстве, в сознательном возрасте в церковь не ходила и в Бога не верила. Только в последние годы говорила, что верит в душе, и однажды сходила со мной в церковь. Что я могу теперь сделать для нее? Молюсь о упокоении и заказываю службы в церкви, даю милостыню. Она была хорошим человеком, любила всеми родными и близкими, но, подозреваю, что у нее был аборт. Можно ли надеяться, что она будет помилована?

Достаточно знать, что ваши молитвы и милостыня приносят облегчение и утешение душе вашей матери. А окончательный приговор для нас неизвестен – он откроется на Страшном суде.

Архимандрит Рафаил (Карелин)

Мысли на воскресное Евангельское чтение

Свт. Феофан Затворник:

«Притча о богатом и Лазаре показывает, что те, которые жили не как должно, спохватятся, но уже не будут иметь возможности поправить свое положение. Глаза их откроются и они ясно будут видеть, в чем истина. Вспомнив, что на земле много слепотствующих, подобно им, они желали бы, чтобы кто-нибудь послан был к ним из умерших для уверения, что жить и понимать вещи надо не иначе, как по указанию Откровения Господня. Но и в этом им откажется, ради того, что Откровение для желающих знать истину само удостоверительно, а для нежелающих и не любящих истины неубедительно будет и самое воскресение кого-либо из умерших. Чувства этого приточного богача наверняка испытывают все отходящие отсюда. И следовательно, по тамошнему убеждению, которое будет убеждением и всех нас, единственное для нас руководство на пути жизни – Откровение Господне. Но там уже такое убеждение для многих будет запоздалым; здесь оно лучше бы пригодились, да не у всех оно. Поверим, по крайней мере, свидетельству тамошних, перенося себя в состояние их. Сущие в муках не станут лгать; жалея нас, они хотят, чтобы открылись очи наши, да не придем на место их мучения. Об этом предмете нельзя так говорить, как говорим нередко о текущих делах: «авось, как-нибудь пройдет». Нет, уж то не пройдет как-нибудь. Надо быть основательно удостоверенным, что не попадем в место богатого...» (Лк. 16, 19-31.)

Что отмечаем?

8 ноября Православная Церковь отмечает событие, которое непосредственно связано с Константинополем. Дело в том, что в середине 740 года там случилось страшное землетрясение, которое затронуло и другие, небольшие городки Византийской империи.

Ежегодная служба в честь трагического события

Царьград был в эпицентре бедствия, там рухнула башня Феодосиевской стены, сравнялись с землей жилые дома и прочие здания. Это стихийное бедствие характеризуют как окончание правления Льва Третьего Исавра. Стоит отметить, что царь был очень жестоким по отношению к христианам, и неоднократно устраивал гонения, чтобы истребить как можно больше верующих людей. Лев Исавр был свергнут с престола, а через три месяца его нашли мертвым у себя дома. В память трагическому случаю, был составлен тропарь и кондак. Также

было утверждено ежегодное почитание с молитвенной службой во всех православных храмах.

Слова иеромонаха Иова в память о землетрясении

Как отметил иеромонах Иов (Гумеров), в этот день нужно уделить пристальное внимание не только памяти святого Димитрия Солунского (святого почитают также 8 ноября), но и всем пострадавшим христианам, которые стали жертвами страшного землетрясения. Все чудесные события, совершенные в тот период, должны быть донесены и следующим поколениям, чтобы мы, в современности, осознавали силу Божию. Землетрясение считается исключительно природным явлением, но с библейских времен данное событие было символом могущества и силы Господа Бога. Это символ Суда Господнего. Ведь землетрясения очень часто были во время государственных перемен или потрясений, одним из таких моментов стало землетрясение во время правления царя Льва Исавра, знаменовавшее окончание его правления.

«Сила молитвы» и другие рассказы Межавторский сборник

Продолжение. Начало в № 6 (451)

Благочинный немного помолчал, рассматривая библиотеку.

– А фисгармония твоя знаменитая где?
– Вы и про фисгармонию знаете!
Отец архимандрит усмехнулся.
– Так, показывай. Может, матушка и сыграет для гостя?
– Да мы ее еще не перевезли.

– Так перевозки поскорей. Я тебе и «газельку» грузовую дам. Я фисгармонию люблю. Да не сподобился достать. Играю на пианино. Так что вези и зови в гости. Мы с твоей матушкой в четыре руки сыграем.

Отец Олег удивился и был рад такому повороту. Благочинный смотрел на него весело.

– А больше никаких преступлений не совершил?
– Нет. Это все. Правда, может быть, мы кому-то не нравимся как люди.

– Это ладно. Мне вы как люди понравились. А насчет того, чтобы народ каялся, погоди. Ты тут без году неделя. Если не сбежишь в Москву, то, даст Бог, со временем и растопишь лед. А я тебе на прощание на твою метафору свою расскажу.

– Расскажите.

– Солнце к закату склонилось и разволновалось: кто же без него светить во мраке будет? Спрашивает, а все молчат. Долго спрашивало солнце. Все молчат, и только маленькая лампадка под иконой тихо ответила: «Постараюсь как смогу». Вот и ты старайся. Свети помаленьку. Только не угасай. И не скорби попусту. И не возносись. Ты ведь не солнце. Вот и свети в меру лампадки. И помни, что народ у тебя простой. Так что давай без метафор. Будь проще.

Визит благочинного не только успокоил отца Олега, а даже окрылил. Он решил вообще не обличать Валентину, а подождать, когда она сама поймет, что доносы – не лучшее дело. Они с матушкой обидели ее тем, что распустили хор. Надо бы ей какой-нибудь чин придумать. Какое-нибудь заметное дело. А пока ничего не придумал, то на ближайшей литургии объявил о том, что назначает Валентину заместителем старосты. Удивлению Валентины не было предела. После службы староста пыталась выяснить, в чем будут заключаться обязанности ее заместительницы. Батюшка ответил неопределенно и без особых раздумий сказал, что дел на приходе скоро будет много, а первое, что он поручает Валентине, – организовать паломничество в Троице-Сергиеву лавру. Вернее, записать желающих. О деталях обещал поговорить с ней на неделе. Он вышел из храма, а староста с Валентиной и Антониной остались в храме на уборку.

Батюшка уже подъезжал на своем «жигуленке» к магазину, где его ждала матушка, ушедшая из храма раньше его, и вдруг вспомнил, что забыл в алтаре телефон. Вот незадача! Пришлось вернуться.

Валентина с Антониной стояли перегнувшись через барьер, за которым сидела Агриппина Степановна, и с жаром что-то обсуждали. Отца Олега они не заметили, и он тихонько вошел в алтарь через дьяконские двери. Телефон лежал на подоконнике. Батюшка взял его и повернулся, чтобы выйти, но неожиданно услышал нечто, что заставило его задержаться. Антонина гневно выговаривала Валентине:

– Ты думаешь, люди тебе спасибо скажут за твои письма-ма?!

– Да ладно тебе, – огрызнулась та. – Чего удумала. Какие письма?

– А такие. Верка-то все сказывала. Как ты митрополиту жалобы на нашего батюшку пишешь. И ее пристегнула сочинять.

– А что, не правда? Я правду пишу. Он тут всяко мелет. Его и понять нельзя. Отец Михаил молебен отслужит – и домой. А этот разводит тут турусы. И к чему призывает, не понять.

– А чего понимать? Он говорит: каяться надо. А мы не каемся. Клуб себе придумали. Ходят, кто не лень. Может, и в Бога не веруют, а ходят.

– Да откуда ты знаешь, кто верует, а кто нет? Сама-то ты в кого веруешь?

– Я-то в Господа нашего верую. А Господь сказал: надо каяться. Вот ты, Валь, и покайся батюшке, что кляузы пишешь.

– Вот еще. Чего удумала.

– Так зачем ты тогда в церковь ходишь?! Батюшке гадишь и каяться не хочешь.

– То мое дело.

– Да не твое, а наше. Мы, как батюшка говорит, одно тело.

Мы один организм духовный. И если ты в этот организм дерьма наклала, то мы его и вытряхнем. Если не покаешься.

– Ты погоди грозить. А то я тебе такого устрою! Сама-то больно каешься!

– Я-то каюсь. А у меня и таких заслуг перед бесом нет, как у тебя. Ты мужиков-то подрайона пропустила.

– А твое какое дело? Я в том покаялась.

– А как каялась? Поди, сказала: «Грешна по блудной чести» – и все.

– А тебе-то что?

– Так какое с того покаяние.

– Да такое...

– А ты пальцы загибала?

– Какие пальцы?

– А вот с тем-то да тем-то... Главного агронома бы помянула.

– Да молчи ты...

– Да у ней пальцов-то не хватит ни на руках, ни на ногах, – засмеялась староста.

– Вы сами-то хороши. У тебя, Степановна, тоже Кузьмич был после смерти мужа.

– А я молчу. Да и создалась в том.

– Чо создалась. Антонина вон с батюшкой слезу требуют. Ты поплакала-то?

– А чего плакать? Кузьмич мужик-то справный был. Непьющий. Не обидел ни разу. Я его гоже.

– А все ж блуд, – вздохнула Антонина.

– Блуд-то, он разный, – оправдывалась Степановна. – Сошлась с хорошим человеком. Он вдовец. Я вдова. С ним жила честно. Я по правде и не знаю, как тут каяться. Свадьбу, чтобы, надо было с гармошкой аль под венеч?! Нам же уж по шестьдесят было. Я долго отказывалась. Перед внуками срам. А он: «Одинокое мне, хоть в петлю лезь». Так что тут как поглядеть. Один скажет: душу погубила в грехе, другой: человека от петли спасла.

– Ну уж от петли.

– Форменно от петли. Тоскливо жил. Хотел удавиться.

Так что не знаю, какое покаяние мне батюшке принести. Рассказать все – так он сам говорит: мне не истории нужны, а сердца ваши. А сердце мое теперь по двум моим мужикам тоскует. И молюсь я за них. А что не венчано прожила, так то Господь разберет. А и где венчаться-то было? В клубе, что ль? Может, соберусь да слезно и покаюсь. Рюмочку для слезы и для храбрости пропущу – и на исповедь.

С минуту помолчали. Отец Олег хотел выйти, но тут Валентина сердито набросилась на Антонину:

– А что ты вообще понимаешь?! Каяться... Тебе хорошо. У тебя ни кожи ни рожи. И смолodu страшная была. А меня парни чуть не с пеленок зызывали. На тебя бы столько внимания, так еще бы поглядели, какая ты святоша. Мужики к тебе не лезли – на тебе и греха нет. А ко мне лезли. Думаешь, легко по молодости удержаться? Так я и слова такого не знала: «грех». Жила, как все жили. А кто у нас себя грешницей считал? Кто? Хоть одну бабу назови.

– Моя мать, – тихо вздохнула Антонина.

– Она-то что? Она и не у нас в селе жила. Мы о ней ничего не знаем.

– Она, покойница, Царство ей Небесное, до самой смерти чемодан с кирпичами носила.

– Какой еще чемодан?

Антонина всхлинула, утерла нос передником.

– За грех убийства. Братик у меня был, Яшенька. Кроткий, славный. Божие дите. А мальчишки все дразнили и колотили его за то, что он в их проказах не участвовал. Трусом обзывали. Они, как яблоки поспевать начнут, чисто грачи, на деревьях сидят.

– Понятное дело. Я и сама по чужим садам лазала, – перебила ее Валентина.

– И стекла в школе били, и сарай подожгли вредной Акулине, и белье могли с веревок сорвать – да в грязь. Корову у Коркина хвостом к хвосту лошади привязали. Да чего там... проказа за проказой. Хулиганье сплошное. А Яшенька

все с мамкой сидел. Вот они его однажды поймали и говорят: «Иди у Кислякова огурцы сорви». Мешок дали. «А не нарвешь, то мы тебе уши оборвем да наостыляем. Иди, не трусь». Яшенька и пополз по огороду, чтобы не быть трусом. А Петровна-то Кислякова у окна сидит. Видит Яшеньку-то. Он только огурец сорвал, а она уже бежит с кочергой. Ну, он деру. А она орет на всю деревню: «Ворюга проклятый!» А он-то, бедный... Ему и огурцы-то даром не нужны. Своих полно. Он-то битый мальчишек испугался. Во двор забег, а мамка-то наша выскочила из избы. Что за гром с соседского огорода? А Петровна ей и орет: «Тихоня-то твой вор поносный. Огурцы мои скрал». А маменька-то, Царство ей Небесное, схватила лучину от дранки. Изба-то дранкой крыта. Шиферо-то не было. Да этой лучиной и шлепнула его по голове. А в лучине-то гвоздь ржавый. Да как раз в ямочку, что в голове. В темечко. Яшенька упал, ножками задрыгал и затих.

– И что, убила?

Антонина опять всхлинула и кивнула.

– Насмерть убила?

– Убила мать сыночка. Братика моего кроткого... За огурец. Свою надежду. Нас-то, девок, пятеро – и один брат. Что там было... И суд был. Говорят, вот времена суровые были. Суровые. И жили впроголодь. Никаких «дошираков» в лавках не продавали, чтоб за три минуты суп был. Жидким щам рады были до смерти. Траву для коровушки по канавам серпом резали. Я режу, а Валюшка четырех годов на страже стоит. Чтоб никто не увидел. А поймают – отберут. И позор. И посадят. А все равно резали. Куда денешься? Корова не наш брат, чтоб уговорить не есть вовсе... Да вы помните.

– Чего не помнить? У меня самой мать на три года посадила за траву – колхозное добро, – поддакнула Валентина. – Ну дадыле-то что? Не твоя.

– Так вот, со всем своим суровством судья мать-то отпустил, да еще и тайно ей потом денег сунул на похороны. А мальчишек-то, что подбили Яшеньку, наказал. Самых заводил главных в колонию для малолеток. А маменька... Суд человеческий одно. А она сама себя крепко осудила. Ела потом по куску хлеба в день да водицы кружечку. И так целый год. В чем только душа держалась. Работы-то с пятерыми! Мы, конечно, помогали. А все одно – только поворачивайся. И в колхозе, и дома. А потом свалилась она. Язва пошла – чуть не померла. Истощение... Довела себя. Определили ей инвалидность. Так вот тогда она и придумала себе чемодан. Нагрузила камнями и повсюду с ним. Это с язвой-то. А еще придумала себе тайные подвиги: по ночам общественные работы делала. Мост у нас провалился. Так она и починила. Откуда силы! Да как она бревна-то достала! Ясно, из леса. Ведь и посадить могли. Это потом мы узнали: ей Сашка-дурочок помогал. У него силница была аховая. Когда электричество тянули, мужики столбы носили. Один столб вшестером. А Сашка взваливал на плечо столб да версту без передышки один нес. Он маменьке-то и помогал.

Она и вдовам втайне помощь творила. Иной раз по неделе дома не было – все чего-то людям делала. Еще спала в поле. Прямо на земле. А дома – не знаю, спала ли. Всю ночь лампада горела. Да головой об пол бухалась. Да плач слышен: «Господи, прости океанную!»

Так она по Яшеньке убивалась. А потом успокоилась маленько. Мы уже подросли, по дому все сами делали, а Людмила, старшая, уже и работать пошла. Задумала маменька до Киева дойти. Ногами своими. Попрощалась с нами...

– Это с кирпичами?

– Нет, чемодан на сей раз оставила. Попрощалась с нами, благословила и ушла. Целый год мы ее не видели. Вернулась. Говорит: «Видела Яшеньку в светлых одеждах. Сидит у ног Матери Божией и веночек из цветов плетет. А цветы эти красоты – не рассказать. А простил ли меня Господь, не знаю. А Яшеньку принял в Свой светлые обители». Это ей киевские угодники показали. Там, в пещерах, у нее видение было. Месяц за бродяжничество в тюрьме отсидела. Били несколько раз крепко... Может, и простил ее Господь. Про свое богомолье нам не сказывала. Да мы бы и не поняли. Мы-то, дурехи, думали, что маменька наша с горя-то с ума сошла. И народ-то ей хоть и сочувствовал, но все чокнутой прозывали. Мы чемодан ейный в печке сожгли. А кирпичи на дворе горкой сложили. Так она другой себе из фанерок сотворила. Наложила кирпичей и снова с ним заходила. Так с ним в руках и рухнула. Язва открылась. До больницы двадцать верст. Пока довели, она и померла. Царство ей Небесное!

Продолжение следует

ОТЕЧНИК

Об авве Исидоре, пресвитере Скитском, поведали: «Однажды пришел к нему брат и приглашал его на вечерю любви. Но старец не захотел идти и сказал: «Адам прельстился снедию и был изгнан из рая». Брат сказал ему на это: «Ты боишься даже выйти из келлии твоей?» Старец отвечал: «Да, боюсь, сын мой: потому что «диавол, яко лев рыкай, ищет кого поглотити» (1 Пет. 5, 8)».

Авва Исидор Пилусийский говаривал часто: «Тому, кто предается пьянству, не избежать навета помыслов. Лот, убежденный дочерью, упилился вином, – и удобно вовлек его диавол в любодение».

Он же говорил: «Преданный сластолюбию и сребролюбию не может жить Богоугодно».

Также: «Если желаешь спасения – делай все, что ведет к нему».

Еще говорил авва Исидор Пилусийский: «Подвизаясь успешно в посте, не превозносите этим. Если же вы тщеславитесь постом вашим, то лучше бы было для вас есть мясо: не так вредно для монаха употребление мяс, как вредны гордость и надмение».

Сказывали об авве Исааке, что он в хлеб свой примешивал пепел из служебного кадила.

ПРАВОСЛАВНЫЙ КАЛЕНДАРЬ

4 ноя., вс. – Неделя 23-я по Пятидесятнице. Празднование Казанской иконе Божией Матери (в память избавления Москвы и России от поляков в 1612 г.). Семи отроков, иже во Ефесе: Максимилиана, Иамвлиха, Мартиниана, Дионисия, Антонина, Константина и Иоанна (ок. 250; 408-450).

5 ноя., пн. – Апостола Иакова, брата Господня по плоти (ок. 63). Перенесение мощей прав. Иакова Боровичского, Новгородского, чудотворца (1544).

6 ноя., вт. – Иконы Божией Матери «Всех скорбящих Радость» (1688). Мч. Арефы и с ним 4299 мучеников (523). Прп. Зосимы Верховского (1833).

7 ноя., ср. – Мчч. Маркиана и Мартирия (ок. 355). Прпп. Мартирия диакона и Мартирия затворника, Печерских, в Дальних пещерах (XIII-XIV).

8 ноя., чт. – Вмч. Димитрия Солунского (ок. 306). Воспоминание великого и страшного труса (землетрясения), бывшего в Царьграде (740).

9 ноя., пт. – Мч. Нестора Солунского (ок. 306). Прп. Нестора Летописца, Печерского, в Ближних пещерах (ок. 1114). Мцц. Капитолины и Еротиды (304).

10 ноя., сб. – Прп. Иова, игумена Почаевского (1651). **Свт. Димитрия, митр. Ростовского** (1709). Вмц. Параскевы, нареченной Пятница (III).

Еженедельное издание православного прихода храма Покрова Пресвятой Богородицы г. Тирасполь. Главный редактор – настоятель архимандрит Иоанн (Данилеску). Выпускающий редактор – иеродиакон Давид (Дьяченко). Наш адрес:

г. Тирасполь, ул. Кутузова, 201. Тел.: (533) 2-46-97. Сайт: <http://pokrovka-tiras.narod.ru/>
Набор и верстка – на оборудовании редакции. Отпечатано в ООО «Теслайн» по адресу: г. Тирасполь, ул. Ленина, 7. Объем – 1 печатный лист. Тираж – 100 экз.

Уважаемые читатели! Просим вас не использовать газету в бытовых и хозяйственных нуждах! Да благословит вас Господь!